

№ 4 (21) апрель 2014 г.

ВСТРЕЧА

Вестник православной общины Сретенского храма
Свято-Успенской Тихоновой Пустыни

Дорогие братья и сестры!

Наши сердца начинают учащенно биться, отсчитывая время, оставшееся до Светлой Пасхи. С каждым их ударом Она, хотя на мгновение, но становится ближе. Скоро, скоро настанет момент, когда зазвучат в храмах возгласы: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» И нет на земле слов радостнее, чем эти слова, которые говорят друг другу люди в Светлое Воскресение и последующие сорок дней.

Назвать этот день праздником, даже самым большим праздником — слишком мало. Он важнее любого праздника и значимее любого события в мировой истории. В этот день все человечество, а значит — каждый из нас, получили надежду на спасение, потому что Христос воскрес. В Пасхе — вся суть христианства, весь смысл нашей веры.

Назван же так этот праздник, торжественнейший из праздников, в ветхозаветной Церкви — в воспоминание исхода сынов Израилевых из Египта и вместе с тем избавления их от рабства, а в Церкви новозаветной — в ознаменование того, что Сам Сын Божий, через Воскресение из мертвых, перешел от мира сего к Отцу Небесному, от земли на Небо, освободив нас от вечной смерти и рабства врагу, даровав нам «власть быть чадами Божиими».

Но чтобы освободиться от смерти вечной каждый человек непременно должен пройти через смертные муки. И не нужно обольщаться знанием, что за смертью следует воскресение. Страшная сила смертных мук такова, что и Сам Господь, совершенный Бог — но и совершенный человек — молился о том, чтобы чаша сия по возможности была отвращена от Него; и молился в смертном ужасе, до кровавого пота, трижды приступая к этой молитве. Силы мужественно взглянуть в лицо смерти дает людям Бог, с Которым надлежит встретиться в последнем Таинстве на земле — с надеждой встретиться с Ним на Небе. Он не отменяет страшного перехода — Он укрепляет человека в вере и надежде. Точно так же, как Его Самого укреплял Ангел в Гефсиманском саду.

Христос оставил нам свою Церковь. Она — его войско, а мы — рядовые этого войска, объединенные в подразделение-общину и ведомые командиром-священником. В конце прошлого года в жизни нашей общины произошло значимое событие — она была зарегистрирована как «Местная православная религиозная организация приход в честь Сретения Господня в г. Калуге Калужской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Теперь у нас есть свой расчетный счет в банке. В Уставе сформулированы цели, задачи и формы деятельности прихода, в частности предусмотрена деятельность по распространению православных религиозных убеждений непосредственно или через средства массовой информации, в том числе собственные.

В Уставе предусмотрена возможность благотворительной и миссионерской деятельности, религиозного образования, организации паломничества и многое другое. Думаю, что по мере дальнейшего становления нашей общины какие-то из этих видов деятельности помогут перейти от вопросов «Кому помочь?» и «О ком помолиться?» к реальным делам. Уже сейчас, издавая газету ВСТРЕЧА, мы ведем миссионерскую деятельность. Ничто не мешает нам организовать паломнические поездки. Возможно, сейчас рано говорить о создании воскресной школы, но в дальнейшем и это с Божией помощью станет реальностью. Главное, нам предстоит стать братом и сестрой для десятков братьев и сестёр, стоящих рядом, и тысяч братьев и сестёр, которых мы не видим, но которые составляют благодаря Церкви одну семью.

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

*С уважением и искренними пожеланиями
помощи Божией, иерей Евгений Левченко*

«НИКТО» ИЛИ «НЕКТО»?

«Кто я в Церкви? Никто — или некто?»

Об этом рассуждает протоиерей Андрей Ткачев.

Начиная с апостола Павла, который призывал христиан к духовной битве и виды духовного оружия сравнивал с оружием римских солдат, и Климента Римского, который Церковь уподоблял стройным и дисциплинированным воинским порядкам, и до наших дней — о Церкви удобно говорить как о войске. Она, конечно, не только войско. Она и Невеста Жениха, и Лоза от святого Корня, и Тело Христово, и паства словесных овец. Но всё же она и войско. И как армия сильно рядовыми, так Церковь сильна прихожанами...

Без народа священник никто. Это генерал без армии, генерал, чьи лампасы, ордена и звёзды на погонах выглядят как насмешка, когда некому исполнять его приказы. Священник — не монах, не отшельник, и если он никого за собой не ведёт, никого ничему не учит, не представляет в молитвах собранных вместе христиан, то он бессилён и бесполезен. Даже литургию один, без богомольцев, он служить не может. Это тот один, который в поле не воин.

Но прихожане без священника тоже никто. Это люди, похожие на тех, которых жалел Христос, люди, рассеянные, как овцы без пастыря. Некому крестить и миропомазывать новорождённых, некому напутствовать умирающих, некому благословлять вступающих в брак, некому ходатайствовать перед Богом и принести Бескровную Жертву.

Им непременно нужно встретиться, священнику и прихожанам, чтобы стать самими собой, и в этом обретении себя найти и смысл жизни, и Христову силу.

Человек неспособен оценить свой вклад в общее дело. Зеркало, в которое он смотрится, почти всегда оказывается кривым. То он видит себя великаном, способным на гигантские шаги и могучие действия, то кажется сам себе блохой и все свои действия склонен считать блошиными. И то, и другое неправильно. И не мы будем ставить себе оценки на последнем экзамене. Несомненной истиной является то, что без маленького не существует большого, и хотя «одна снежинка — ещё не снег», каждая снежинка в отдельности является необходимым мазком художника на холсте с зимним пейзажем.

Какие наши молитвы? Ничего огненного, ничего чудотворного. Но если эти капли собрать в пригоршню, то от жажды уже не умрёшь. Приходя в храм «для себя», ради своих нужд и со своими мыслями, ты рискуешь ничего не получить и ни с кем ничем не поделиться. Но приходя в храм как на общее дело, молясь о больных, путешествующих, о скорбящих, страждущих, о властях и воинстве, ты можешь смело рассчитывать на то, что другие вспомнят о тебе в своих молитвах, и ты будешь помилован чужой любовью.

Продолжение на стр. 2

«НИКТО» ИЛИ «НЕКТО»?

«Кто я в Церкви? Никто — или некто?»

Об этом рассуждает протоиерей Андрей Ткачев.

(Продолжение. Начало на стр. 1)

БЕЗ ЛЮБВИ ВСЁ - НИЧТО

**Обязанность без любви делает человека раздражительным.
 Ответственность без любви делает человека бесцеремонным.
 Справедливость без любви делает человека жестоким
 Правда без любви делает человека критиканом
 Воспитание без любви делает человека двулицким
 Ум без любви делает человека хитрым
 Приветливость без любви делает человека лицемерным
 Компетентность без любви делает человека неуступчивым
 Власть без любви делает человека насильником
 Честь без любви делает человека высокомерным
 Богатство без любви делает человека жадным
 Вера без любви делает человека фанатиком
 Есть только одна великая преображающая сила — ЛЮБОВЬ!**

Священник, ежедневно выслушивая людские жалобы и просьбы, может и должен выносить их к прихожанам. «Сегодня, — может сказать батюшка, — я прошу вас помолиться о Петре, муже одной из наших прихожанок, который тяжело болен и ожидает операции». О непутёвых детях, хотящих убежать из дома, об удачном устройстве на работу, о начавшихся родах и о сотнях подобных нужд люди могут узнавать от священника с тем, чтобы на богослужении молиться с ним о нуждающихся в помощи.

«Мышца Господня не ослабела, и рука Его не сократилась, чтобы спасти», — так говорили пророки. Умоленный единогласными просьбами многих людей, Господь и в наши дни может творить то, что творил во дни древние.

В одном из великих прокимнов мы говорим псаломские слова: «Ты еси Бог, творящий чудеса», — а затем говорим: «Сказал еси в людях силу Твою». Единый Чудотворец и сегодня может в нас, людях, сказать, то есть проявить силу Свою, если только многие капли сольются в ручьи и многие ручьи стекуются в реки молитвенных просьб.

Я не хочу умалить личную, тайную, частную молитву человека.

Этот разговор устами к устам, сладость которого известна многим, нельзя унижать. Но думается мне, что образ жизни наших прихожан кое в чём напоминает устав отшельников. Шесть дней в неделю эти люди жили вдали друг от друга со своими вопросами, болезнями, воплями и воздыханиями. Кто что ел, кто сколько спал, кто как молился — было тайной их и Бога.

В воскресный день они собирались в церковь, чтобы помолиться вместе, причаститься, затем разделить трапезу и, утешенными общением, уйти на место своего уединения. Так и мы шесть дней копошимся, суетимся, мучимся, грешим, раздражаемся. Затем приползаем на исповедь, каемся, причащаемся и опять разбредаемся до следующего воскресенья или праздника.

Режим нашего хождения в церковь формально похож на отшельнический. А ведь нам, живущим в миру, этого очень мало. Нам нельзя жить для себя, собой и в себе, только раз в неделю собираясь вместе. Нужно учиться жить для других, с другими и ради других, и даже в совместных молитвах вникать в чужие нужды и ходатайствовать перед Богом о них.

В поле внимания людей, причащающихся от одной Чаши, должны попадать и житейские нужды друг друга. Как наши молитвы поодиночке большей частью являются слабым шёпотом, а собранные вместе превращаются в чудную и полновзвучную Херувимскую, так и наши копейки, брошенные в кружку, сами по себе малы и скудны, но собранные вместе, могут быть достаточны для многих добрых дел. Священник в отдельности или прихожанин в отдельности от других может помочь ближнему очень ограниченно. Силы и возможности умножаются на сто, когда люди собираются вместе ради общего доброго дела. Любой приход в силах помочь лекарствами, или деньгами на учёбу детям, или на покрытие коммунальных долгов кому то из прихожан в случае острой необходимости.

По сути, священнику нужно превратить приход в семью, в органическое единство людей, которые молятся друг о друге и участвуют в нуждах друг друга. «Кому помочь?», «О ком прочитаться?» — должны быть постоянными вопросами, звучащими в храме среди прихожан. И жизнь, поверьте, не даст прожить ни одной недели без конкретного ответа на этот вопрос.

Каждый из нас приходит в храм сам, в разное время, после разных жизненных событий. Кто от прочитанной книги, кто от душевной боли, кто по совету друга, кто за руку с мамой. Поначалу церковная жизнь является для нас «личным делом», маленькой тайной, чем-то очень интимным, чем не с каждым поделишься. Но это церковная жизнь в её тайном внутриутробном состоянии. Она зачаточна. Она уже есть, но ещё не дышит своими лёгкими. Лишь тогда, когда приход станет семьёй, священник — отцом, а воскресная литургия — главным событием недели, можно будет говорить о нашей церковности как о родившемся ребёнке.

Нам предстоит расширить своё сердце и вобрать в него нужды многих людей. Нам предстоит стать братом и сестрой для десятков братьев и сестёр, стоящих рядом, и тысяч братьев и сестёр, которых мы не видим, но которые составляют благодаря Церкви одну семью. Нам предстоит заслужить и получить высокое имя — прихожанин. Оно не такое простое и маловажное. Оно такое же славное, как звание гвардии рядового у крепкого мужичка, прошедшего всю войну и звенящего на ходу дюжиной медалей.

НЕОТВРАТИМАЯ ТРАГИЧНОСТЬ БЫТИЯ

Наверняка найдется кто-нибудь, кто с негодованием воскликнет: «Ну разве это христианская точка зрения! Мы хорошо знаем, что за смертью следует воскресение, так что ничего страшного, да и к тому же трагедия — это вообще из театра и тем самым недостойно христиан».

Однако опыт человечества, в том числе и человечества, просвещенного светом Евангелия, в том числе и ныне живущих нас и наших ближних, показывает, что смерть — это очень серьезно и страшно. И смертные муки — это всерьез; это боль, которую нельзя вынести, оставшись в живых. И трудно душе растаться с телом. И страшно власть в руки Бога живого (Евр 10:31), о чем еще необходимо будет сказать. Пожалуй, христианину, лишенному твердой веры и упования (увы, это нередко бывает), умирать труднее, чем атеисту, придерживающемуся своих воззрений.

Правда, что мы знаем о последних минутах и даже секундах человеческой жизни? Те, кому выпало присутствовать при исходе души из тела, знают, что некая тайна скрывает сам момент перехода — да так, что и гадательно об этом рассуждать не следует. Мы ведь недаром молимся о христианской кончине, безболезненной, непостыдной, мирной, и недаром отмечаем, что таковой удастаиваются праведники. Задумывались бы о смертном часе (есть ведь и молитвенные слова о даровании памяти смертной) — усерднее бы молились.

А что касается того, что трагедия — это из театра, то не на пустом же месте. Люди смотрят трагедии, сопереживают, плачут — ради утешения, ради смягчения чувства трагичности бытия. В свое время Аристотель создал понятие катарсиса, очищения, которое испытывают люди, посмотревшие правильно написанную трагедию. А правильная — это та, которая и вызывает катарсис; в этом смысле современные боевики с морями крови и горами трупов — не что иное, как профанация темы смерти, способная лишь притупить, заглушить, исказить человеческое ее переживание. Да, нам даровано утешаться в молитве, но бесспорно и то, что утешение нам необходимо. И даже если принять во внимание, что для почившего смерть означает новую, лучшую жизнь, для близких это тем не менее утрата. А для дела, которому покойный служил, его смерть может оказаться гибельной.

Тема трагичности бытия с особой силой звучит в Евангелии от Луки. Рассмотрим соответствующее место (главы 12–13). После череды притч, завершающихся притчей о том, что кому много вверено, с того больше взыщут (Лк 12:48), — в совокупности их можно определить как притчи об ответственности — Господь с силой восклицает (ст. 49–50): Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится! Огонь здесь — очищающая благодать Нового Завета, — но огонь устрашает, и это находит отклик в другом месте новозаветного Писания: Страшно власть в руки Бога живого! (Евр 10:31). Уже сам глагол власть несет в себе представление об опасности: впадают в грех, в искушение, в гибель — и в руки Господа.

А вот Христос, говоря, что желает, чтобы возгорелся огонь, что Он томится, пока не свершится Его крещение (а свершится оно на Кресте), являет полноту мужества. Однако страшная сила смертных мук такова, что и Сам Господь, совершенный Бог — но и совершенный человек — молится о том, чтобы чаша сия по возможности была отвращена от Него; и молится в смертном ужасе, до кровавого пота, трижды приступая к этой молитве (об этой троекратной молитве и сказано трижды — см. Мф 26:38–44; Мк 14:33–41; Лк 22:41–44). Так что боюсь, что «оптимистическое» отношение к смерти является попыткой умаления того подвига, который предпринял Взятый на Себя грехи мира - нашего ради спасения.

А в начале 13-й главы Спасителю рассказывают о галилеянах, кровь которых Пилат смешал с жертвами их. В ответ Он напоминает о тех людях, которые погибли, когда обрушилась башня Силоамская (их было 18), и утверждает, что они вовсе не были грешнее прочих в Иерусалиме, но такая внезапная смерть (ее принято называть трагической кончиной) может постигнуть всякого, кто не покается.

Давайте рассмотрим: обещает ли Христос тем, кто покается, гарантию земного бессмертия? Представляется, что скорее Он предостерегает от смерти без покаяния, поскольку она может самым трагическим образом сказаться на посмертной участи, от того, что в высокой поэзии православной молитвы называется уснуть в смерть.

В христианской культуре принято различать, покается ли человек перед смертью (это и называлось христианской кончиной) или же не успел; за таких следует молиться сугубо. В «Божественной комедии», выстроенной чрезвычайно искусно, так что круги ада имеют некоторые параллели в кругах чистилища и даже рая, противопоставляются два наемника-кондотьера. Оба вели довольно-таки неправедный, мягко говоря, образ жизни и оба нашли смерть в бою, но один из них — в аду, а другой, воскликнувший в минуту смерти «Господи, помилуй!» — в чистилище. Да что кондотьеры, когда пример благотворности предсмертного покаяния являет нам благоразумный разбойник (см. Лк 23:40–43). И поскольку покаяние его было полным, то попал он в рай. А в русском обиходе одной из самых страшных клятв было: «да чтоб мне умереть без покаяния!».

А что теперь? А теперь чрезвычайно ценится смерть внезапная (церк.-слав. наглая) — именно за то, что дает возможность избежать покаянных мыслей. Да даже если и не внезапная... Знаю я страшный случай, когда от неизлечимой болезни умирал старый врач, и прекрасно знал, что умирает, и просил позвать священника. Дочь же его, немолодая женщина и тоже врач, отказалась звать батюшку, мотивировав это тем, что больной потеряет стимул бороться за жизнь и скорее умрет. Чего только не выдумывают люди, чтобы уклониться от лицезрения правды! А правда — это не только то, что Господь создал мир и управляет им, но и то, что всякий человек на пути к Нему должен взглянуть в лицо смерти. И сделать это мужественно. А мужество дает Бог, с Которым надлежит встретиться в последнем Таинстве на земле — с надеждой встретиться с Ним на Небе. Он не отменяет страшного перехода (дерзну предположить, что потому, что желает конечного возрастания души) — Он укрепляет человека в вере и надежде. Точно так же, как Его Самого укреплял Ангел в Гефсиманском саду (см. Лк 22:43).

Источник: *ФОМА православный журнал для сомневающихся, № 11(127), ноябрь 2013, Марина Журииска*

РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Местная православная религиозная организация приход в честь Сретения Господня в г. Калуге Калужской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

ИНН 4028990330

Отделение №8608 Сбербанка России г. Калуга

Р/сч 40703810522240004070

К/сч 30101810100000000612

БИК 042908612

ПЕРИОДЫ В МОЛИТВЕ

«Жди удара вражия после посещения благодати». Архиеп. Варлаам (Ряшенцев)

Св. отцы часто указывают на наличие трех периодов в молитве, соответствующих периодам духовного возрастания души.

Первый период — это период благодатной молитвы; обычно он бывает у новоначальных в духовной жизни. Бог Сам помогает новому труженику на духовной ниве и утешает его молитвенной теплотой и умилением. Молитва идет легко, непринужденно, и поэтому новоначальные имеют склонность все более и более увеличивать свои «правила» и количество поклонов.

Но вот наступает второй период. Господь дал вкусить сладости молитвы новоначальному и хочет, чтобы тот потрудился сам, без Его помощи. Благодать отнимается и все изменяется: небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям. Ранее теплая молитва, умилявшая сердце, становится сухой, тяготив молящегося, кажется ему долгой и трудной. Природа, обстоятельства, люди — все обращается против него. Но, конечно, Господь не отступает от молящегося, но как бы стоит рядом и наблюдает, как трудится молящийся сам и терпеливо преодолевает тягость и сухость молитвы.

Во второй период молитвы прежние «правила» начинают казаться слишком длинными и возникает большое желание их сократить. Поклоны, ранее делаемые легко, в большом количестве, также становятся тягостными, даже при их небольшом количестве. Как пишет о. Александр Ельчанинов: «Бог допускает перебои в нашей молитве, потому что Он не хочет лишать нас бодрости (наши восхождения), ни питать нашу гордость (наши падения)». Предоставим нашему сердцу идти так, как Бог его ведет.

Правда, эти перемены — тяжелое испытание; но нам полезно узнать на своем опыте, что моменты духовного подъема не зависят от нас, а есть дар Божий, который Он от нас отнимает, когда Ему это заблагорассудится. Если бы этот дар Божий всегда был с нами, то мы не чувствовали бы ни тяжести креста нашего, ни бессилия нашего, испытания наши не были бы настоящими испытаниями, наши добрые дела не имели бы цены. Поэтому будем переносить терпеливо периоды упадка и сухости сердечной. Они учат нас смирению и недоверию к самим себе; они дают нам почувствовать, насколько непрочно и слаба наша духовная жизнь, они заставляют нас прибегать к помощи Божией.

В этом состоянии сердечной сухости и бесчувствия, при отсутствии горячей молитвы, надо беречься прерывать наши духовные упражнения, оставляя нашу ежедневную молитву. Этим мы нанесли бы себе величайший вред. Мы склонны думать, что раз мы не ощущаем определенного удовлетворения в молитве, то не стоит и молиться. Чтобы в этом разубедиться, достаточно вспомнить, что молитва и любовь к Богу — одно и то же. Существо молитвы не состоит только в тех радостных ощущениях, которыми она иногда сопровождается. Любовь-молитва может существовать и без них, и это более очищенный и бескорыстный вид ее, так как, будучи лишеной радости духовной, она имеет целью только Бога. Молиться горячо — от Бога. Молиться принужденно — в нашей власти; вот эту слабую, недостаточную, сухую молитву и принесем в дар Богу как единственное, на что мы способны, как медные копейки евангельской вдовы. И, как пишет Марк Подвижник: «Божья сила изольется на твою немощь, и молитва сухая и рассеянная, но частая и постоянная обретет навык, ставши твоей второй природой, сделается молитвой долгожданной, светлой, пламенной». Зная наступление второго — испытательного — периода, св. отцы предлагают поэтому новоначальным брать на себя не слишком большое правило и не обольщаться благодатными ощущениями первого периода молитвы. Второй период может длиться долго, пока Господь не испытает своего раба в труде, терпении и постоянстве.

Третий период — период вновь благодатной, теплой нерассеянной молитвы, когда Господь вновь пребывает в сердце молящегося благодатными утешениями, награждая его за победу над перенесенными искушениями.

Благодать уже обычно более не отходит от христианина (если, конечно, он не оскорбит ее каким-либо грехом, при отсутствии покаяния и потери нищеты духа и смирения).

Здесь, впрочем, надо заметить, что время перехода к благодатной, теплой молитве может наступить, минуя длительность второго периода. Здесь все зависит от отданности Богу человеческого сердца... Душа веселится с Господом, как невеста с женихом, по слову пророка Исаии, который говорит: «Якоже радуется жених к невесте, тако возрадуется Господь о тебе» (Ис. 62, 5).

Иногда, во весь день чем-нибудь занятый, на один час посвящает себя молитве — и внутренний его человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в бесконечную глубину ононого века, так что всецело устремляется туда парящий и восхищенный ум. На это время происходит в помыслах забвение о земном мудровании, потому что помыслы насыщены и пленены Божественным, небесным, беспредельным, непостижимым и чем-то чудным, чего человеческими устами сказать невозможно. В этот час человек молится и говорит: «О, если бы душа моя отошла вместе с молитвою».

Вместе с тем нам надо помнить, что христианин не должен сам домогаться в молитве приятных ощущений и духовного наслаждения. От этого так предостерегает молящихся архиепископ Варлаам (Ряшенцев): «Не ищи на молитве приятных ощущений и высокой радости и не услаждайся, если бы это и явилось: цель молитвы — смиренная беседа с Господом и припадении к Нему в чувстве покаяния и умиления, но вовсе не услада, так сказать, духовными яствами, т. е. процессом молитвы. Погрешительно и крайне пагубно искать духовного наслаждения. При таком искании оно явится, но с «левой» стороны — от демона похоти и блуда: он ищет сластолюбцев, которые любят сласть, а не Господа и Его заповеди. Такая прелесть вражия находит на гордого и самонадеянного человека, ищущего от молитвы не мира душевного и познания своих немощей, не страха Божия, терпения и сокращения, а приятных ощущений. Считай все радостное, высокое, что посетит тебя сверх ожидания на молитве, недостойным для себя; не теряй из вида, что ты ищешь очищения души, покаяния, а не прельстительных радостей. Божья радость бывает неизреченно тиха, ясна, светлосна и чиста. Тогда все телесные чувства совершенно засыпают, и в теле бывает не возбуждение крови, а неземная тишина и

Юлия Жадовская

Молитва к Божией Матери

Мира заступница,
Мать есепетая!
Я пред Тобою с мольбой:
Бедную грешницу,
мраком одетую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнут меня
испытания,
Скорби, утраты, враги,
В трудный час жизни,
в минуту страдания,
Ты мне, молю, помоги!
Радость духовную,
жажду спасения
В сердце мое положи:
В царство Небесное,
в мир утешения
Путь мне прямой укажи!

1864

Андрей ДРОЗДОВ. Молитва.

чистота. Длится это обычно недолго, как ласка Отчая за смирение и покаяние, и после нее еще больше смирись. Это милость, не заслуженная тобой, и поэтому жди удара вражия после посещения благодати...»

Необходимо упомянуть и о тех случаях, когда творящие молитвы уподобляются «посеявшему при дороге» в притче Господней о сеятеле (Мф. 13, 4). В этом случае «приходит лукавый и похищает посеянное» (Мф. 13, 19). Молящихся так о. Иоанн С. называет лицемерами и пишет о них так: «До лицемерия человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к которому надо всегда принуждать себя, так как «Царство Небесное усилием берется» (Мф. 11, 12), — он начинает молиться более устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче. Наконец, при усиленной борьбе (против него) плоти и диавола, человек молится только устами, не доходя до сердца силы слов молитвенных. Таких людей очень много. Господь говорит об них: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком своим: сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8)».

Нам кажется, что суровое обличение о. Иоанном так молящихся (а их «очень много», по словам о. Иоанна) может быть несколько смягчено следующими мыслями, взятыми из дневника о. Александра Ельчанинова: «Важна молитва всякая, даже невнимательная. Сила и действие слова не зависят от психологии говорящего. Если бранное, грязное слово оскорбит и ранит душу произносящего и даже слушающего, то святые слова молитв, даже рассеянно повторяемые, тонкими штрихами покрывают нашу память, ум, сердце и производят над ними благую работу, нам ведомую».

При болезнях и скорбях следует учитывать и следующее предупреждение о. Иоанна С.: «В болезни и вообще в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовью, потому что в скорби и болезни — сердце болит, а вера и любовь требуют здорового сердца; поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем, как бы следовало, верить в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всею время. Иногда и молиться неблагоприятное время».

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ПРАВОСЛАВНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ Н.Е.Пестов

Братья и сестры!

Так как газета содержит цитаты из Священного Писания, изображения икон и храмов, убедительно просим Вас по прочтении не использовать её в хозяйственных целях. Прочитав, передайте ее другому читателю или верните в храм.

Адрес редакции: г. Калуга, ст. Тихонова Пустынь, ул. Западная, д.27. Священник Евгений Левченков т.8-910-510-4691
Редактор Бессонов А.В. т.8-903-513-5639, abessonov@bk.ru, www.sretenie.ru, тираж 900 экз. Цена свободная.